

*Сергей
Ребров*

*Часики
тикают*

Сергей Ребров
Часики тикают

«Автор»

2026

Ребров С.

Часики тикают / С. Ребров — «Автор», 2026

Аня, амбициозная студентка-экономист, выигрывает стажировку на старом часовом заводе, балансирующем на грани банкротства. Её мир цифр и современных технологий сталкивается с атмосферой ретро: скрипучими полами, запахом машинного масла и сотрудниками, которые работают здесь десятилетиями. Директор завода Тихон Молотков — харизматичный, но уставший от проблем — поначалу воспринимает Аню как очередную студентку. Но её нестандартные идеи, от автоматизации учёта до лимитированной серии часов для молодёжи, заставляют его взглянуть на дело по-новому. Ночные бдения над отчётом, забавные казусы и искренние разговоры постепенно сближают героев. Смогут ли они не только спасти завод, но и разобраться в собственных чувствах? Трогательная история о том, как свежие идеи и искренняя вера способны оживить и производство, и человеческие сердца.

© Ребров С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14

Сергей Ребров

Часики тикают

Глава 1

Глава первая. Входные данные

Позолоченная пыль висела в луче прожектора, рассекая полумрак торжественной аудитории. Высоченные потолки, дубовые панели, строгие лики учёных в рамах — всё это давило тяжестью былого величия, которое Анна Кометновская безжалостно измеряла в категориях затрат на содержание. Она сидела, выпрямив спину в неудобном бархатном кресле, и миниатюрная фигура девушки в строгом синем костюме казалась инородным, острым предметом, брошенным в эту мягкую, респектабельную атмосферу. Прямые волосы цвета спелой пшеницы, собранные в безупречный пучок, и большие очки в тонкой оправе завершали образ идеального аналитического прибора — холодного, точного, лишённого изъянов.

Внутри Аня была спокойна. Не тишина волнения, а гулкая пустота чистого расчёта. Мысли текли ровным, неэмоциональным потоком, как строки кода в предрассветной тишине серверной: *«Средний возраст жюри — 58 лет. Предпочтение отдадут консервативному, но патристичному подходу. Вероятность победы — 72%. Приз...»*

Здесь её внутренний алгоритм сделал микроскопическую паузу, перебирая варианты. *«Вариант А: денежная премия. Оптимально. Позволит покрыть расходы на обучение в магистратуре и приобрести новый ноутбук. Вариант Б: стажировка в современном технопарке или корпорации. Приемлемо. Даст строчку в резюме и сеть контактов. Вариант В: символическая награда, поездка, публикация. Наименее эффективен, но создаст информационный повод».*

Студентка уже распределила ресурсы на вечер в зависимости от исхода. При варианте А — краткое, дежурное празднование с подругами в кафе, не более часа, затем возвращение в общежитие для коррекции учебного плана с учётом новых финансовых возможностей. При варианте Б — немедленное начало сбора информации о потенциальном месте стажировки, составление списка ключевых лиц. При любом исходе — обязательная прогулка. Её ритуал. Поздний парк, пустые аллеи, чёткий шаг и холодный воздух, очищающий сознание от эмоционального шума дня. Там, под скелетами осенних деревьев, Аня могла снова стать чистым разумом, оценивающим мир с бесстрастной дистанции.

Девушка слышала сдержанный шёпот подруг, чувствовала на себе тревожные взгляды, но это был лишь фоновый шум, помехи, которые следовало отфильтровать. Маша говорила что-то шутивное про апокалипсис, Лика шептала о каком-то заводе-музее. Их слова были для Анны не предзнаменованиями, а сырыми, необработанными данными низкой ценности. Анна не поворачивала головы. Её взгляд, лишённый блеска, был прикован к конверту в руках уважаемого профессора. Этот конверт был не символом судьбы, а контейнером с данными, которые вот-вот станут известны. Она уже мысленно строила графики: по оси X — время, по оси Y — карьерный капитал. Сегодняшний вечер был важной, но предсказуемой точкой на этой кривой. Независимо от того, какая именно цифра появится сейчас на табло её судьбы, траектория уже была рассчитана. Всё, что оставалось — скорректировать скорость.

Шелест вскрываемого конверта прозвучал как щелчок затвора, запечатывающего прошлое и открывающего будущее. Тишина стала абсолютной, материальной, давящей на барабанные перепонки. Аня перестала дышать — не от волнения, а от предельной концентрации, как снайпер, видящий в прицел единственную, судьбоносную цель. *«...Победителем становится...»* На мгновение время споткнулось, зависнув на лезвии бритвы между «да» и «нет». *«...Анна*

Кометновская». Имя прозвучало не как фанфары триумфа, а как приговор, вынесенный самой логикой мироздания. Так и должно было быть. Гипотеза подтверждена. Уравнение решено. В уголке её рта дрогнула не улыбка, а едва уловимая тень удовлетворения — холодного, чистого, как решение сложной теоремы. Аплодисменты накатили волной, но до неё они доносились приглушённо, будто из-за толстого, пуленепробиваемого стекла аквариума, в котором девушка плавала в полной тишине. Внутри ничего не дрогнуло, не вспыхнуло. Была лишь тихая, сдержанная радость точности, радость от того, что мир всё ещё подчиняется законам причинности. «Переход к следующему этапу». Аня сделала последнюю пометку в блокноте — холодную, безликую галочку — и поднялась. Походка была лишена торжественности, это был просто эффективный переход из точки А в точку Б.

Диплом был просто листом плотной бумаги с определённой себестоимостью и коэффициентом полезности для резюме. А вот тяжёлый конверт, который вручили следом, имел другой вес. Физический. Вес нерасшифрованной неизвестности. Профессор, улыбаясь, произнес что-то об «уникальном шансе», о «возрождении традиций», и наконец... «часовом заводе „Маяк“». В сознании Анны что-то щёлкнуло. «Маяк». Это название мелькало в учебниках по истории промышленности, в ностальгических статьях как символ ушедшей эпохи. Она считала его артефактом, музейным экспонатом, вроде паровоза или телефона с диском. Мысль о том, что завод всё ещё существует, не как памятник, а как функционирующее — или пытающееся функционировать — предприятие, вызвала первую за весь вечер подлинную, сырую эмоцию: лёгкое, почти неуловимое недоумение. Аня выиграла. Но призом оказался не прорыв в будущее, а билет в прошлое.

Анна кивала, но взгляд скользнул по логотипу на экране — стилизованная башня с часами, похожая на изображение из школьного учебника. И в сознании, как по тревоге, мгновенно всплыли добытые когда-то на всякий случай, сухие, как пустынный ветер, данные: «Завод „Маяк“. Основан в 1932 году. Пик производства — 1978-й. Текущие долги — астрономические. Износ оборудования — критический. Социальный код — вымирающий». Внутри столкнулись два чувства. С одной стороны, холодное удовлетворение от победы, от подтверждения её расчётов. Она была права. Она лучшая. С другой, странная, почти неловкая растерянность. Это не было предприятие из варианта Б. Это был живой труп индустриальной эпохи, ходячий анахронизм, интересный лишь как объект для патологоанатомического исследования в рамках курса по кризис-менеджменту. Аня выиграла конкурс, но ощущение было такое, будто не наградили, а отправили в археологическую экспедицию на раскопки собственных профессиональных амбиций.

Студентка повернулась к залу, держа в одной руке бесполезный диплом, в другой тяжёлый конверт с загадкой. Аплодисменты гремели, но Анна уже не слышала их. Она слышала лишь тиканье невидимых часов, отсчитывающих время не её триумфа, а того странного, туманного места, куда теперь была обязана отправиться. Победа обернулась загадкой. И это было единственное, что заставило в её безупречно отлаженном внутреннем мире что-то едва заметно дрогнуть.

В это самое время на территории завода «Маяк» царила паника, которую с трудом можно было назвать трудовым подъемом. Директор, Тихон Молотков, мужчина тридцати четырех лет от роду, с бородой, в которой уже серебрилась преждевременная седина от постоянного стресса, метался по своему кабинету, заваленному чертежами и деталями от недособранных будильников. Он только что получил факс (да-да, на «Маяке» все еще пользовались факсом) о том, что к ним едет «молодой перспективный специалист», победитель престижного конкурса. Тихон вытер ладонью лоб.

— Семен! Семен Пружинин! — закричал он в дверь, и почти сразу в проеме появился заместитель, тощий, суетливый мужчина с вечно взъерошенными волосами, похожий на загнанную пружину. — Ты видел? Присылают нам какую-то девочку! Студентку! Что я с ней

делать буду? Показывать, как Аркадий Павлович в цехе номер три на станке 1936 года чай греет?

— Тихон Леонидович, успокойтесь, — защебетал Пружинин, потирая руки. — Мы же готовились. Мы же... э-э-э... создали рабочую группу.

— Какую еще группу? — нахмурился директор.

В кабинет, словно из-под земли, вынырнули еще двое. Анфиса Точкина, главный бухгалтер, женщина с лицом безупречной отчетности и ледяным взглядом, способным заморозить недоплату. И Виталий Болтанкин, мастер цеха сборки, богатырского телосложения мужчина, в чьих руках любая хрупкая часовая шестеренка рисковала превратиться в бесполезную железку.

— Группу по встрече и культурному обмену, — отчеканила Точкина, поправляя очки. — Я подготовила финансовый отчет за последние двадцать лет. Пусть видит, с каким наследием работает.

— Анфиса Петровна, Вы с ума сошли! — взмолился Молотков. — Она с первого слайда о банкротстве убежит! Виталий, а ты что придумал?

Болтанкин широко улыбнулся, отчего в бороде застряла крошка от утреннего бутерброда.

— Я думаю, главное — это дух коллектива показать! Мы в цехе номер два старую гирьку от часовых дел мастера Федотова нашли. Весит пуд, не меньше. Пусть попробует поднять, проверим на прочность. А потом можно у станка постоять, посмотреть, как Людмила Семеновна шестеренки полирует. Только, — он понизил голос, — Людмила Семеновна вчера опять путаницу с бензином и маслом устроила, так что от станка пока дымок идет и пахнет специфически. Но это мелочи!

Тихон Молотков закрыл лицо руками.

— Идеально. Просто идеально. Покажем ей музей технических катастроф и коллектив, находящийся в состоянии перманентного легкого отравления угарным газом. Семен, что у нас с самим производством? Хоть что-то, что можно предъявить?

Пружинин оживился.

— В цехе номер четыре как раз заканчиваем партию настенных часов «Весна-2»! Пятнадцать штук! Правда, у десяти маятники качаются с разной частотой, а у пяти циферблаты установлены вверх ногами... Но это решаемо! Мы можем посадить ее за стол, дать пару шестеренок и отвертку... Пусть почувствует причастность!

— Она почувствует причастность к сумасшедшему дому, — мрачно пробормотал директор, глядя в окно на покосившуюся заводскую трубу. — Ладно. Слушайте мой план. Мы делаем вид, что у нас все под контролем. Виталий, ты убираешь ту гирьку подальше. Анфиса Петровна, Вы готовите... э-э-э... оптимистичную выжимку из отчетности. Только последний квартал! И без упоминания судебных исков. Семен, ты идешь в архив и находишь какие-нибудь грамоты времен расцвета. Развешиваем их здесь. И все вместе мы делаем самое главное — мы улыбаемся. Мы — дружная, сплоченная команда единомышленников, хранящих традиции и смотрящих в будущее. Понятно?

Собравшиеся переглянулись. Болтанкин неуверенно осклабился, Пружинин попытался изобразить деловой оптимизм, а Точкина лишь еще сильнее сжала губы, что у нее было равносильно улыбке.

— А если она спросит про современные технологии? Про цифровизацию? — пискнул Пружинин.

Тихон Молотков тяжело вздохнул и потянулся к нижнему ящику стола, откуда раздавалось настойчивое жужжание.

— Скажем, что у нас уникальная, штучная работа. А это... — он вытащил старый, потрескавшийся кнопочный телефон, — ...наш сервер. Иногда глючит. Виталий, неси чайник, будем встречать наше светлое, но абсолютно непредсказуемое будущее. Главное, чтобы она не

догадалась, что мы последние три месяца пытаемся собрать хотя бы одни часы, которые бы не отставали на полчаса в сутки.

Глава 2

Глава вторая. Приезд и блогер.

Автобус, пропахший пылью, усталостью и слабым ароматом дешевой колбасы, высадил Анну у ворот, которые, казалось, замерли в середине прошлого века, ожидая, что их вот-вот распахнут для толпы ударников труда. Надпись «Завод „Маяк“» на кованой арке была криво прибита, и буква «Я» отчаянно выгибалась, словно пытаясь вырваться из ржавых тисков и улететь в низкое осеннее небо. Внутри девушки, вопреки ее обычному, выверенному до микрона хладнокровию, что-то ёкнуло — не страх разочарования, а жгучее, почти детское любопытство. Это был не пункт в плане карьерного роста, а настоящий, дышащий историей мир, где время, возможно, текло по каким-то своим, особенным законам.

Аню встретили так торжественно, словно она была не студенткой, а высокопоставленным аудитором из министерства. Тихон, стараясь казаться солидным, стоял так прямо, что, казалось, вот-вот хрустнет позвоночник. Рядом суетился Пружинин, его взъерошенные волосы развевались на ветру, как антенны, ловящие сигнал бедствия.

— Анна Сергеевна? Очень, чрезвычайно приятно! Тихон Леонидович Молотков, ваш... то есть, директор. Добро пожаловать в наш... оплот точной механики, — произнес он, и голос, пытаясь быть баритонально-уверенным, предательски дрогнул на последних словах, превратив «оплот» в нечто похожее на «оплох».

Экскурсия, как и было задумано «рабочей группой», началась не с цехов, а с «музея», который располагался в заброшенном уголке административного холла. Анфиса Петровна Точкина, бухгалтер с лицом, напоминавшим безупречно составленный баланс, уже стояла у самодельного стенда с графиками, нарисованными от руки фломастерами разной степени выцветания. Ее ледяной взгляд скользнул по Анне, оценивая, стоит ли эта «девочка» таких усилий.

— Прежде чем погружаться в сиюминутные производственные процессы, рекомендую ознакомиться с объективной экономической основой предприятия, — ее голос звучал сухо и четко, как стук костяшек счётов, — перед Вами динамика прибыли с 1998 по 2023 год. Обратите внимание на платообразный тренд, переходящий в контролируемое, запланированное пике.

Анна вежливо кивнула, делая вид, что внимательно изучает кривую, которая неумолимо, как стрелка тонометра у тяжелобольного, приближалась к нулевой отметке. Девушка видела не цифры, а отчаянную, трогательную в своей нелепости попытку сохранить лицо, прикрыть ржавую реальность глянцевой ширмой отчетности. Ее сдержанный энтузиазм не угас, он просто сместился, сфокусировался. Теперь интересовали не абстрактные показатели, а живые люди, которые, как эти старые стены, всё ещё держались здесь.

— Благодарю, Анфиса Петровна. Очень... наглядно, — мягко сказала Анна, и в глазах промелькнуло не осуждение, а понимание. — Но мне, как будущему инженеру, не терпится увидеть сам механизм. В прямом смысле.

Тихон Леонидович с облегчением выдохнул и бросил на бухгалтера взгляд, полный немой мольбы прекратить пытку статистикой.

— Ну конечно, конечно! Пойдемте в святая святых — сборочный цех! Виталий! Виталий, веди!

Болтанкин, мастер цеха, вышел из тени, где он, видимо, пытался стряхнуть ту самую крошку от бутерброда с бороды. Его богатырская фигура, одетая в промасленную спецовку, казалось, заполнила собой все пространство холла.

— Добро пожаловать на кухню, где рождается время! — прогремел мастер, и его улыбка была такой же широкой и простодушной, как гаечный ключ. — У нас тут, можно сказать, семейный подряд. Все друг друга знают. Вот, например, наш бриллиант, Людмила Семеновна!

Он с гордостью указал на пожилую женщину у старого, массивного станка. От станка, как и предупреждал Болтанкин, шел легкий сизоватый дымок и стойко пахло... жженым маслом с оттенком бензина. Людмила Семеновна, в больших защитных очках, сосредоточенно что-то полировала, совершенно не замечая гостей.

— Она шестеренки для балансового колеса доводит до зеркального блеска! — с пафосом объяснил Болтанкин. — Рука — алмаз! Хоть с закрытыми глазами!

В этот момент Людмила Семеновна чихнула от дыма, рука дрогнула, и крошечная, сверкающая шестеренка со звонким пингом выскользнула из пинцета, описала в воздухе дугу и бесследно исчезла в трещине между половицами. Воцарилась мгновенная, гробовая тишина. Женщина сняла очки, посмотрела на пол, потом на Виталия, и произнесла с философским спокойствием:

— Бывает. Оно, время-то, штука неуловимая. Сейчас новая выточу.

Аня не смогла сдержать улыбку. Не насмешливую, а теплую, искреннюю. Это была не катастрофа, а часть процесса. Живой, непредсказуемый, человеческий. Студентка ловила каждую деталь: скрип половиц, запах металлической стружки и старого дерева, сосредоточенные лица рабочих, которые украдкой поглядывали на нее из-за своих верстаков. Ее сердце билось чаще — не от страха, а от предвкушения. Здесь была не просто работа. Здесь была магия. Пусть и очень, очень ржавая.

Где-то в другом конце этого же цеха, в царстве ещё более древних станков, царила совершенно иная атмосфера. Здесь пахло не жженым маслом, а пылью столетий, медным привкусом старины и сладковатым запахом дерева от ящиков с инструментами. Здесь, в луче слабого света из запylённого окна, рассекавшего полумрак, работал Архип Самоходов. Он был не просто рабочим, он был хранителем. Станок токарно-винторезный «Гигант» 1937 года выпуска с потускневшими латунными рукоятками и шкалами, на которых цифры были выгравированы, а не наклеены, стоял как часовой механизм в центре застывшего времени. Архип не точил и не полировал. Он слушал. Руки, покрытые паутиной морщин и темными, вьёвшимися пятнами машинного масла, лежали на холодном корпусе станка, как руки пианиста на клавишах перед началом симфонии. Станок был включен, издавая негромкий, ритмичный гул — монотонную песню металла. Но для Архипа в этой песне была фальшь. Ровный такт нарушала едва уловимая, посторонняя дробинка — вибрация, похожая на тихий стон.

— Ага... — прошептал Самоходов, не открывая глаз, его лицо, похожее на вырезанный из дуба массив, было сосредоточенным и мягким одновременно. — Третья шестерня в редукторе подачи. Зуб чуть сколот. Слышишь, Кирюха? Слышишь, как она плачет? Как маятник бьется с перебоем?

Но Кирилл, его внук, не слышал. Он видел. Через экран своего смартфона. Запись уже шла. Кир присел на корточки, вытянув телефон так, чтобы в кадре был и дед, и огромный станок, и падающий из окна свет, создавая идеальную «индастриал-эстетику».

— Щасс, дед, не двигайся, — прошипел блогер, его голос был полон азартной жадности, — это же чистое золото! «Последний из могикан: как динозавр чинит динозавра». Хайп, понял? Настоящий индастриал! Лайков будет миллион!

Кир был одет в нарочито рваные джинсы и дорогую куртку, которая тут же покрывалась тонким слоем серебряной пыли. Его взгляд, быстрый и жадный, выхватывал не суть, а картинку: потрескавшуюся штукатурку, призрачные тени от станков, сгорбленную, но мощную фигуру деда, которая казалась частью механизма. Для него завод «Маяк» был не предприятием, а готовой съемочной площадкой в стиле «постапокалипсис с элементами стимпанка».

Его подписчики обожали эту эстетику «заброшенного величия». А слава... слава была кислородом, без которого он задыхался.

Архип, не оборачиваясь, тяжело вздохнул. Он слышал не только станок, но и пустоту в словах внука.

— Ты бы лучше молоток подал. Или мозги включил. А то у тебя в голове не шестеренки, а одни эти... хвостики. От них ни толка, ни смысла.

В этот момент в дальнем конце цеха послышались голоса и шаги, нечеткие, но живые. Парень на мгновение оторвал взгляд от экрана, и внимание, подобно щупальцу, мгновенно переключилось. Он увидел группу людей, а в центре её. Девушку. Новое лицо. Молодое, умное, с внимательным, заинтересованным взглядом, который странно и притягательно контрастировал с окружающей разрухой. Она была одета просто, но со вкусом — темные удобные брюки, легкая куртка, и в осанке читалась не надменность, а внутренняя собранность, как у пружины в состоянии готовности. Для Кирилла, чья жизнь измерялась лайками и вниманием девушек, это был как вспышка магния в полумраке цеха. Новый объект. Возможно, даже более интересный, чем дед со станком. «Студентка? Та, из конкурса... Значит, умная. И не местная. Идеально», пронеслось в голове.

— Опа... — протянул блогер низко, и в его глазах загорелся азарт охотника, смешанный с расчетом, — а это кто у нас такая? Не местная, это точно. Свежее мясо.

Кирилл быстро выключил запись, сунул телефон в карман и, проведя рукой по волосам, придав им художественную небрежность, направился навстречу группе. Движения почти развязными. Архип, уловив резкую перемену в поведении внука, тот внезапно перестал шипеть и замер, как собака, почуявшая дичь, наконец обернулся. Его старые, глубокие глаза, похожие на полированные камни, хмуро и с предчувствием посмотрели на Кирилла, уходящего в тень колонн.

Самоходов младший ловко встроился в хвост экскурсии как раз в тот момент, когда Болтанкин, пытаясь впечатлить Анну, решил продемонстрировать «силу духа коллектива» и уже подходил к исторической гире.

— Вот, Анна Сергеевна, исторический артефакт! Гирия часового мастера Федотова, основателя цеха! Настоящий пуд! Не каждый мужик поднимет! Хотите попробовать? Проверим силу духа! — Виталий с трудом, но с гордым видом оторвал от пола огромную, покрытую вевшейся грязью и ржавчиной гирию.

Анна, слегка озадаченная этой странной проверкой, но не желая ударить в грязь лицом, молча оценила гирию взглядом. Но в глазах мелькнула не растерянность, а холодный расчёт, та же сосредоточенность, с которой Кометновская просчитывала траектории в университетской лаборатории.

— Спасибо, Виталий Петрович, — сказала она ровным голосом, делая шаг вперёд, — позволю себе попробовать.

Прежде чем кто-либо успел среагировать, Тихон Леонидович уже открыл рот, чтобы что-то сказать, а Семён Пружинин инстинктивно потянулся вперёд, Анна уверенно взялась за рукоять гири. Её движение было не резким рывком, а плавным, техничным подъёмом. Мускулы на предплечьях напряглись под тонкой тканью куртки, но лицо оставалось абсолютно спокойным, даже отстранённым. Она подняла гирию до уровня груди, выдержала паузу, демонстрируя полный контроль, а затем так же плавно опустила на пол с глухим, но аккуратным стуком. Пыль взметнулась маленьким облачком у ног... В цехе на секунду повисла тишина, нарушаемая лишь гулом древних станков. Болтанкин замер с открытым ртом. Даже Тихон перестал нервно ёрзать.

И тут, словно из воздуха, возник Кир. Появление блогера было уже не «спасением», а попыткой перехватить инициативу. Он легко, с показной небрежностью и уже чуть натянутой улыбкой, шагнул вперед.

— Э-э-э, постойте, дядь Витя, — сказал Кирилл, и голос, пытавшийся звучать снисходительно-дружелюбно, слегка дрогнул от неожиданности. Он видел, как легко Аня справилась, — ну, ясное дело... Давайте без этого каменного века всё-таки. Девушка тут мозги привезла мирового уровня, а мы её на силовые аттракционы тянем. Несерьёзно.

Его слова уже висели в воздухе, слегка запоздалые и потому потерявшие весь свой предполагаемый эффект. Анна лишь вытерла ладонь о брюки, кивнула Виталию со спокойным видом, как будто только что подписала обычный документ, и взгляд уже искал следующую интересную деталь в цехе. Её молчаливая демонстрация силы оказалась красноречивее любых слов и резче любого отказа.

Кир повернулся к Ане, и его лицо озарила заранее отрететированная, обаятельная улыбка, открытая, чуть хищная. Глаза внимательно изучали реакцию девушки.

— Кирилл. Можно просто Кир. Я тут, в некотором роде, летописец этого... места. Архивариус заброшенных смыслов. А Вы, видимо, тот самый луч света в темном царстве? Специалист из будущего, который пришел спасти нас от цифрового апокалипсиса?

Тон был лёгким, чуть ироничным, игривым, но взгляд настойчивым, сканирующим. Он ловил её реакцию, ища слабое место, точку входа. Анна, немного сбитая с толку этим внезапным появлением и напором (она ожидала технологий, а получила перформанс), слегка отступила, но не опустила глаз. Врождённая сдержанность сработала как щит. Студентка не ответила на улыбку своей, а лишь слегка приподняла уголки губ.

— Анна. Практикантка, — ответила Кометновская чётко, и голос был спокойным, без колебаний, — а «летописец» — это как? Вы документируете производственные процессы?

Кир слегка удивлённо улыбнулся, видя, что интерес девушки оказался профессиональный, а не личный. Он достал телефон, демонстративно повернув так, чтобы Аня увидела яркий экран.

— А так, — сказал блогер, делая движение, словно предлагая взглянуть, — снимаю. Показываю миру, как оно было. Или как оно есть. Заброшка, но с душой. Эстетика упадка, понимаешь? Это сейчас в тренде. Хочешь, покажу лучшие моменты? У меня тут и твой директор в моменте есть, когда Молотков от факса бегал как угорелый. И бухгалтерша с графиками, похожими на кардиограмму покойника. Контент огненный.

Тихон, стоявший рядом с Пружининым, побледнел так, что лицо почти слилось с белой стеной. Его заместитель начал нервно тереть свой пиджак, взгляд метнулся к директору, полный немой паники. Анна же не обратила внимания на их реакцию. Она взглянула на телефон, затем прямо в глаза Киру, и ответила мягко, но с твердым, как полированный металл голосом.

— Благодарю, но нет. Мне интересны сами процессы, а не... их представление в таком ключе. Я здесь учиться, — сказала студентка, и в этом тоне было лишь чёткое обозначение границы.

Кир почувствовал лёгкое разочарование, смешанное с азартом. «Сложная», думал он. «Но это даже интереснее». Парень не отступил.

— Ну, процессы тут тоже есть. Старые, аутентичные. Вот, например, мой дед, — он повернулся и указал на Архипа, который теперь наблюдал за этой сценой, стоя рядом со своим станком, руки старика были скрещены на груди, — он может на слух определить поломку. Без всяких компьютеров. Как шаман. Хочешь посмотреть?

Аня на этот раз искренне заинтересовалась. Она посмотрела на Архипа, на станок, и ее глаза, полные энтузиазма к настоящему мастерству, расширились.

— Да, очень хочу, — сказала Аня, но взгляд был устремлён не на пристающего молодого человека, а на самого Архипа, который в ответ лишь кивнул.

Кир, не желая оставаться в тени деда, сделал широкий приглашающий жест. Анна, слегка кивнув Тихону и Пружинину (которые стояли как два столба, не знающие, как вмешаться),

прошла к Архипу. Директор и его заместитель неловко последовали за студенткой, сохраняя дистанцию, как наблюдатели.

Самоходов старший ни чуть не смутился. Взгляд был скорее оценивающим. Старик увидел в глазах тот же огонь, который горел в нём когда-то — огонь к механике, к пониманию.

— Дед, это Анна, практикантка, — сказал Кир с легкой фамильярностью. — Хочет посмотреть на твою... магию.

Архип медленно, с достоинством, развернулся к станку, не обращая внимания на внука.

— Магии тут нет, девушка, — сказал он своим низким, грудным голосом, похожим на скрип хорошо отрегулированного механизма, — Есть знания. Этот станок... он не просто старый. Он живой, помнит каждую деталь, которая на нём была выточена. Каждый часовой механизм, который начал свою жизнь здесь.

Затем положил руку на холодный металл, как на плечо старого друга.

— 1937 год. Его привезли, когда я был еще пацаном. Он работает не от электричества, девушка. Он работает от ритма. От такта руки, от понимания материала. Компьютер скажет: «ошибка в шестерне». А он... шепчет. Вот, слушайте.

Архип включил станок. Тот же гул заполнил пространство. Теперь Аня слушала внимательно, следуя указанию старых пальцев мастера, которые слегка касались разных точек корпуса.

— Слышите? Ровный гул... но вот здесь, — указал на нижнюю часть, — здесь есть вибрация. Сколотый зуб. Он не кричит, он стучит, как тикающий маятник с перебоем. Чтобы это услышать, нужно слышать время.

Кометновская стояла, полностью поглощенная. Ей казалось, что уже начинает понимать. Это была не технология, это была философия. Рядом Тихон и Пружинин стояли молча. Тихон смотрел на Архипа со смешанным чувством уважения и грусти — этот человек был живым музеем, который они не могли сохранить. Пружинин просто нервно перебирал пальцами, не понимая, куда вставить этот «культурный момент» в свой план экскурсии.

Кир же, наблюдая, как Анна полностью сосредоточилась на деде и станке, чувствовал странное разочарование. Его «хайповый» контент был проигнорирован. Но в его голове уже зародилась новая идея. «Если она так любит эти старые штуки... может, стоит снять их вместе? Девушка-инженер и старый мастер... Это может зайти». Он снова достал телефон, сделав несколько фото так, чтобы никто из компании не мог заметить, планируя следующий шаг.

Глава 3

Глава третья. Первые тайны завода.

Аня шла к проходной, уставшая, но с головой, набитой цифрами, схемами и тревожными вопросами. Воздух, пропитанный запахом машинного масла и старой пыли, казалось, давил на плечи физически. В ухе жужжал Bluetooth-наушник, из которого доносился взволнованный голос подруги Сони.

«...и он такой говорит: «Сонь, ты либо с нами, либо в аут». Представляешь? Полный кринж! Я, конечно, с ними... Но это же...»

Кометновская слушала вполуха, лишь поддакивая «угу» и «ага», в то время как её мозг пытался разложить по полочкам впечатления от первого дня. Цеха-гиганты с притихшими станками, задерганные лица мастеров, тонны бумаг в бухгалтерии и этот странный, почти мистический разговор со старым часовщиком...

— Аня, ты меня вообще слушаешь? — в наушнике прозвучало обиженно.

— Слушаю, слушаю, Сонь, — машинально ответила Анна, протискиваясь между двумя ржавыми тележками. — Кринж, да. Ужас. А у меня тут...

Она не успела договорить. Из-за угла, словно заводской домовою, вынырнул Кир.

— Анна! Ну давайте, хоть пару слов для истории! — он почти подпрыгивал на месте, камера уже была наготове. — Первый день в царстве ржавых гигантов. Ощущения? Шок? Восторг? Уже придумали, как спасти это величественное кладбище металла?

— Комета, это кто? — спросила Соня в наушнике, моментально переключившись.

— Потом объясню, — прошептала Анна, прикрывая микрофон ладонью, и парировала уже Киру: — Это не кладбище. Это действующее предприятие. И мне нужно думать, а не давать интервью.

— О, действующее! — Кир засеменял рядом, снимая её профиль на фоне очередного станка. — Действует тут только закон упадка. Ну что ты нашла за день? Кроме пыли и ностальгии?

— Он блогер, что ли? Какой наглый! — зашипела Соня в трубку.

Аня хотела ответить что-то резкое и Киру, и подруге, но в этот момент её взгляд, скользнув мимо навязчивой камеры, ухватился за что-то в стороне от проходной. Туда, где у глухой кирпичной стены энергоцеха одиноко стояли огромные, в рост человека, часы — тот самый ходовой образец 60-х годов, памятник былой славе «Маяка». Часы, которые, как все знали, остановились лет десять назад. И возле них, в глубокой тени от козырька, были двое.

«Аня? Ты меня слышишь? Аня!»

Но Анна уже не слышала ни взволнованного трёпа Сони, ни едких комментариев Кира. Она застыла на месте. Её взгляд, суженный от сосредоточенности, был прикован к двум фигурам у старых часов. Кир, заметив её реакцию, обернулся и тоже замолк, камера в его руке замерла, наведённая на ту же точку.

Голос Сони в наушнике звучал как назойливая муха, которую нужно было отогнать. Анна не слышала. Мир сузился до тенистой аллеи, ведущей к проходной, и фигур у массивного бронзового циферблата. Девушка медленно вынула наушник, не отрывая взгляда. Ещё пару раз прозвучало «Алло?», прежде чем связь оборвалась, скорее всего сама Соня положила трубку в сердцах.

Это были Тихон Леонидович, директор, который всего несколько часов назад водил её по цехам, рассказывая о былой славе завода с усталой улыбкой человека, держащего на плечах мир. И Айрис, та самая библиотекарьша, с которой Аня столкнулась почти перед самым выходом, запутавшись в лабиринте коридоров. Молодая казашка с умными, спокойными глазами цвета темного меда и двумя длинными, туго заплетенными косами.

Но сейчас они были другими. Не просто стояли и общались, скорее ошупывали пространство вокруг себя взглядами. Тихон, чьи глаза за день показались Анне немного рассеянными, погруженными в далекие расчёты, теперь метали острые, как лезвия, взгляды. Он быстро, почти профессионально, прошелся ими по пустынной аллее, задержался на тёмных, слепых окнах соседнего цеха, скользнул по зубчатому краю крыши. Айрис, прижимая к груди старую, потертую папку из кожзама (ту самую, с историей завода?), стояла неподвижно, но её спокойствие было напряженным, готовым к действию. Казалось, они ждали какого-то сигнала, момента, когда территория окончательно опустеет.

— Кир, — выдохнула Анна так тихо, что это было почти движением губ. Студентка не смотрела на него, её взгляд был прикован к часам.

— Что? — прошептал он в ответ, уже чувствуя, как по спине пробегают мурашки. Он видел, как замерла Анна, и блогерское чутье затрещало, как детектор.

— Тихо. Смотри, — её рука сама потянулась и впиалась в рукав куртки парня, резко оттягивая за толстый, узловатый ствол старой липы, чья крона давала густую тень.

Кир, на мгновение ошарашенный, тут же включился. Его лицо из выражения легкой наглости сменилось сосредоточенной серьезностью охотника, почуявшего дичь. Глаза загорелись холодным, цепким азартом. Он присел на корточки, ловко снял камеру с шеи, включил её. Зум с мягким жужжанием выдвинулся. Он прижал аппарат к щеке, затаив дыхание. «Щелчок» затвора в беззвучном режиме прозвучал в тишине вечера как крошечный, но отчетливый выстрел.

На маленьком экране камеры, увеличенное и чуть зернистое от сумерек, происходило нечто невероятное. Тихон, еще раз бросив быстрый взгляд через плечо (и Анне показалось, что его глаза на миг остановились точно на их укрытии, заставив сердце Кометновской бешено колотиться), достал из внутреннего кармана своего поношенного пиджака не ключ в привычном понимании. Это был тонкий, отполированный до матового блеска металлический щуп, длиной с ладонь. Его головка была настоящим произведением искусства – витая спираль, напоминающая то ли крошечную галактику, то ли пружину невероятно точного механизма.

Он не стал искать скважину. Он поднес щуп к почти незаметному, гладкому медальону на боковой панели часов, прямо рядом с рельефной римской цифрой «IV». Приложил, надавил и совершил лёгкое, вращательное движение – не от себя, а вовнутрь, словно ввинчиваясь в металл.

Раздался звук. Не скрип ржавых петель, а негромкий, мелодичный и чистый Щ-Ё-Л-К, похожий на взвод курка в дорогом швейцарском хронометре. И тогда произошло самое невероятное. Не панель, не дверца – весь массивный, многосоткилограммовый бронзовый корпус часов ожил. Он глухо, но необыкновенно плавно сдвинулся вперёд, от стены, ровно на ширину ладони. А затем, без единого скрипа, отъехал в сторону, открыв не просто чёрный проём, а узкую, аккуратную лестницу. Её ступени, освещенные снизу мягким, теплым, желтоватым светом, уходили вниз, в тайну. Даже на расстоянии Анне почудился странный запах, вырвавшийся наружу: не сырость подвала, а смесь озона (как после грозы), старого, сухого дерева и чего-то ещё... сладковатого, металлического, похожего на запах раскаленных электронов.

Айрис обменялась с Тихоном коротким, кивком. Не слова, не улыбки, просто жест полного понимания. Она поправила папку под мышкой и первая, без тени сомнения, шагнула в светящийся проем. Тихон, бросив последний, решающий взгляд через плечо, Аня невольно вжалась в кору липы, последовал за ней. Исчезли.

Едва фигура директора скрылась в глубине, корпус часов так же бесшумно, с тем же мелодичным щелчком, вернулся на место, слившись со стеной в единое, непроницаемое целое. Часы снова были просто старыми, остановившимся механизмом.

Наступила тишина, нарушаемая только далёким гулом города за забором и собственным громким стуком сердца в ушах.

Кирилл медленно опустил камеру. Он повернулся к Анне. Его лицо было бледным, глаза круглыми от потрясения, в котором смешались восторг и первобытный страх.

— Ты... — он сглотнул. — Ты это видела? Это же... Это не просто дверь. Это...

— Портал, — тихо закончила за него Анна. Она наконец посмотрела на свой телефон. Экран был черным. Связь прервана. Весь её прежний мир – отчёты, Сонины драмы, планы по оптимизации – вдруг показался плоской, чёрно-белой картинкой. А здесь, перед ней, только что захлопнулась настоящая, живая, пахнущая озоном и тайной дверь в цветную реальность. Она разжала пальцы, вцепившиеся в кору липы.

— Они вошли в часы, Кир. Директор и библиотекарь. Вошли в остановившиеся часы.

Тишина после захлопнувшихся часов казалась оглушительной. Даже вечерний ветерок замер, застряв в листве старой липы. Кир первым нарушил молчание, опуская камеру на грудь с таким видом, будто это была не техника, а священный артефакт.

— Ну что, госпожа новый главный инженер, — его голос звучал хрипло, но в нём уже пробивалась знакомая ироничная нотка, спасательный трос, за который блогер цеплялся, чтобы не утонуть в шоке. — Поздравляю. В первый же день выяснилось, что твой новый работодатель не просто банкротящийся завод, а филиал «Людей в чёрном» или лаборатория сумасшедшего гения. Оптимизация затрат теперь включает в себя учёт расходов на межвременные порталы?

Аня медленно выдохнула, отрывая взгляд от гладкого бронзового циферблата. Её мозг, привыкший к схемам и логике, отчаянно пытался найти рациональное объяснение.

— Пожарный выход, — сказала девушка, больше для себя, — очень... стилизованный пожарный выход. Или бомбоубежище. Завод же старый.

— С бомбоубежищами я знаком, — фыркнул блогер, уже оживляясь. Его глаза бегали, собирая детали, — у них обычно ручки есть. И скрипят. А не... — он сделал в воздухе изящное вращательное движение пальцами, имитируя щуп, — и не требуют ключей, похожих на инструмент для вскрытия сейфов восемнадцатого века. Кстати, о ключе...

Парень замолчал, лицо вдруг озарилось внезапной догадкой. Кометновская видела, как в его глазах пробегают кадры воспоминаний.

— Чёрт. Чёрт-черти-чертыта! Я этот штопор где-то видел!

— Где? — резко спросила студентка, забыв на мгновение о сарказме.

— В музее! В том самом пыльном закутке, который они с гордостью называют «Музеем трудовой славы «Маяка». Там, между образцами первых наручных часов и фотографией ударника коммунистического труда, висит стенд «Инструменты мастера-часовщика высшего разряда». И среди напильников и луп лежит эта штукавина. Подпись гласит... — он прищурился, стараясь вспомнить, — что-то вроде «Ключ-настройщик для калибровки сложных механических систем. 1968 год». Я тогда снял крупным планом, думал, какую-нибудь заумную подпись в poste сделать про утраченные технологии.

Он вытащил телефон, лихорадочно начал листать галерею. Анна заглянула через плечо. И правда, на слегка размытом снимке, за стеклом пыльной витрины, лежал на бархате почти идентичный тонкий щуп с витой спиралью в начале. Выглядел он как музейный экспонат, мёртвый и безобидный.

— «Для калибровки сложных механических систем», — медленно повторила девушка, глядя на часы, — очень точная формулировка. Особенно если система включает в себя потайную дверь в... во что?

— В подземную резиденцию директора, где он пьёт коньяк из хрусталя и оплакивает упадок отечественного часового дела, — тут же выдал Кир. — Или в архив компромата. Или в святилище культа поклонения шестерёнкам. Вариантов, как видишь, масса. Но факт в том, — он сунул телефон в карман и посмотрел на Анну с внезапной серьезностью, — что тебя, новенькую, туда не позвали. И меня, летописца упадка, — тем более. Значит, там что-то, что нужно скрывать.

Сирена проходной, означающая конец рабочего дня, прозвучала резко и грубо, заставив обоих вздрогнуть. Мир снова напомнил о себе. По аллее потянулись последние работяги, устало бредущие к выходу.

— Идём, — тихо сказала Анна, отряхивая с пиджака кусочки коры, — нас могут заметить.

Они вышли через проходную, слившись с небольшой толпой. Охранник, тот самый уса-тый дядька, кивнул Анне: «Завтра, Анна Сергеевна?» Она ответила что-то невнятное, улыбку выдавить не смогла.

Уже за воротами, на проспекте, где пахло бензином и свежестью наступающего вечера, Кир остановился.

— И что будем делать, Коломбо? — спросил он, закуривая. — Завтра пойдешь к Тихону и спросишь: «Тихон Леонидович, а что это у вас за лестница в часах? И можно мне вашим галактическим штопором покрутить?»

Анна посмотрела на фабричные корпуса, черневшие на фоне розовеющего неба. Где-то там, за кирпичной стеной, стояли немые часы, хранящие секрет.

— Сначала нужно понять, что это, — сказала она, больше думая вслух. — Архив? Склад? Лаборатория? Без этого мы просто подглядывающие идиоты.

— А я уже понял, что это, — Кир выпустил струйку дыма. — Это История с большой буквы. Не та, что в учебниках, а та, по которой ходят ногами. И у нас, дорогая моя, есть уникаль-ный шанс в неё вляпаться.

Блогер потушил окурок, помахал студентке на прощание и зашагал к своей раздолбанной машине. Девушка осталась стоять одна. В кармане у неё завибрировал телефон. Сообщение от Сони: «Ты где пропала? Всё нормально?»

Анна посмотрела на экран, потом снова на грозные, молчаливые силуэты цехов. Ощущение было такое, будто её только что вытолкнули из плоского чёрно-белого мира в объём-ный, цветной и абсолютно непредсказуемый. Она набрала ответ, пальцы летали по клавишам быстро и решительно:

«Сонь, всё сложно. Извини, что сбросила. Этот завод... Это не просто шанс показать себя. Это портал. В буквальном смысле. Расскажу завтра, если не провалюсь в какую-нибудь временную петлю. Спокойной ночи.»

Она отправила сообщение, сунула телефон в карман и глубоко вдохнула прохладный воздух. Завтра начиналось не с изучения отчётности. Завтра начиналось расследование.